

Между тем видеть в Робеспьере диктатора было бы совершенно неверно. Что многие из его поклонников хотели для него диктатуры, в этом не может быть сомнения¹. Но известно также и то, что Камбон в своей специальной области, в комитете финансов, пользовался почти безграничной властью, а Карно имел очень широкие полномочия в военном деле, несмотря на нерасположение к нему Робеспьера и Сен-Жюста. С другой стороны, Комитет общественной безопасности слишком ревниво охранял свою полицейскую власть, чтобы не противиться диктатуре; а некоторые из его членов прямо-таки ненавидели Робеспьера. Наконец, если в Конвенте и были представители, охотно допускавшие сильное влияние Робеспьера, они все-таки не захотели бы подчиниться диктатуре монтаньяра, столь строгого в своих нравственных правилах.

А между тем Робеспьер действительно пользовался огромной властью. Мало того, его враги, как и его поклонники, чувствовали, что исчезновение робеспьеровской группы будет - чем оно и оказалось на деле - торжеством реакции.

Чем же объяснить себе могущество этой группы? Прежде всего, Робеспьер оставался *неподкупным* посреди всех тех, а их было очень много, кого прельстили власть и богатство: обстоятельство, в высшей степени важное во время революции. В то время как большинство стоявших вокруг него прекрасно пользовались распродажей национальных имуществ, биржевыми спекуляциями и т. п., а тысячи якобинцев нарасхват разбирали места в правительстве, он стоял перед ними как строгий судья, напоминая им о нравственных началах революции и грозя гильотиной тем из них, кто слишком предавался наживе.

Затем, во всем том, что он говорил и делал за все пять лет революционной бури, мы чувствуем до сих пор, а современники должны были это чувствовать еще сильнее, что он был один из немногих политических деятелей того времени, в которых ничто не ослабляло веры в революцию и привязанности к демократической республике. В этом отношении Робеспьер представлял настоящую *силу*, и, если бы коммунисты могли выдвинуть равную ему силу ума и воли, они, несомненно, придали бы революции гораздо более сильный отпечаток своих стремлений.

Со всем тем, одни эти качества Робеспьера, признаваемые даже его врагами, не могли бы объяснить огромной власти, выпавшей ему на долю к концу революции. К этому надо прибавить еще то, что помимо фанатизма, который давала ему честность его намерений посреди всех пользовавшихся революцией в личных видах, он и сам старался усилить свою власть над общественным мнением, хотя бы ему приходилось переступать ради этого через трупы других честных деятелей, оказавшихся его противниками.

Наконец, самое главное то, что в укреплении власти Робеспьера ему помогла прежде всего нарождавшаяся буржуазия. Как только она сообразила, что среди революционеров он представляет собой человека золотой середины, т. е. деятеля, стоящего на равном расстоянии от «экзальтированных» и от «умеренных» и тем самым представляющего наилучшую защиту буржуазии от того, что она называла «излишествами» толпы, она стала выдвигать его.

Буржуазия поняла, что Робеспьер был тот человек, который благодаря уважению, внушаемому им народу, и благодаря своему умеренному уму и властолюбию наиболее способен образовать *твердое правительство* и таким образом положить конец революционному периоду. А потому буржуазия, покуда ей грозила опасность со стороны крайних партий, не мешала, а помогала ему и его друзьям упрочить их власть, создать правительство, разгромить крайнюю партию. Но как только «крайние» были разгромлены, буржуазия низвергла Робеспьера и его правительство и праздновала их падение, так как оно дало возможность настоящим людям буржуазии, жирондистам, вернуться в Конвент и начать термидорскую реакцию.

Склад ума Робеспьера прекрасно подходил к этой роли. В этом можно убедиться, между прочим, из черновой, написанной им для обвинительного акта против группы Фабра д'Эглантина и Шабо и найденной в его бумагах после его смерти². Эта записка характеризует Робеспьера лучше всяких рассуждений.

¹ Как бы мало исторического значения не имело сочинение Бодо (*Baudot M. A. Notes historiques sur la Convention nationale, le Directoire, l'Empire et l'exil de votants. Paris, 1893*), предложение Сен-Жюста, о котором упоминает Бодо (р. 13), назначить Робеспьера диктатором, чтобы спасти республику, не имеет ничего невероятного. Буонарроти говорит об атом намерении как о факте общеизвестном.

² Для обвинения этой группы Робеспьер написал черновую обвинительного акта, который был прочтен его другом Сен-Жюстом. См. эту черновую: *Papiers inedites trouves chez Robespierre, Saint-Just, Payan, etc. supprimees ou omises par Courtois, precedees du rapport de ce dernier a la Convention nationale, v. 1-3. Paris, 1828, v. 1, p. 21 et suiv.*